

А.В. Толстиков

АНАТОМИЯ ИСТОРИИ УЛОФА РЮДБЕКА*

Я не мог бы разгадать загадки их завещания, если бы у меня отсутствовала руководящая идея... само собой разумеется. Но она у меня была, и она состояла в уверенности, основанной на бесчисленных очевидных фактах, что природа храмовничества – кельтская, друидическая по происхождению – содержала в себе дух северного арийства, который по традиции обычно сопригается с островом Авалон, центром подлинной гиперборейской цивилизации.

У. Эко

Улоф Рюдбек Старший (1630–1702) – крупнейшая фигура в истории шведской науки XVII столетия. Настоящий кладезь учености и невероятно разносторонний человек даже для своего времени – анатом, астроном, ботаник, зоолог, филолог, историк, археолог, топограф, инженер, архитектор, изобретатель, пиротехник, удачливый предприниматель, поэт, певец, композитор... Почти во всех этих областях он добился немалых успехов и заслуженно снискал прижизненную славу как в самой Швеции, так и за ее пределами. Однако наш современник при знакомстве с плодами научного творчества Рюдбека зачастую испытывает недоумение. В первую очередь это касается главного труда всей его жизни – знаменитой «Атлантиды», над которой он работал более двадцати лет (и которую так и не успел завершить). В ней Рюдбек применил свои обширные познания и приложил гигантские интеллектуальные усилия для того, чтобы доказать: Швеция есть легендарная Атлантида, описанная некогда Платоном, родина наук и искусств. Поражает прежде всего сочетание громадного объема проделанной работы, фантастической эрудиции и умелого применения методов естественных наук со слабой аргументацией, настоящим произволом в интерпретации источников и невероятно смелыми выводами. Почему оказалась возможной столь удивительная для нас комбинация достаточно строгой методологической рефлексии и весьма вольного обращения с источниками? Что вообще значило для Рюдбека заниматься изучением истории?

В настоящей статье я попытаюсь проанализировать некоторые особенности исторического метода и аргументации Улофа Рюдбека Старшего, отталкиваясь от рассмотрения нескольких медицинских образов, использованных в «Атлантиде». Вообще говоря, количество таких образов в тексте невелико. Но поскольку «Атлантида» изобилует сравнениями, метафорами и аллегориями, мне показалось

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Шведского института (Svenska institutet).

уместным тематически ограничить рассматриваемый материал. Образы, взятые в качестве отправной точки для анализа, представляются достаточно показательными (выражаясь метафорически – симптоматичными) и хорошо иллюстрирующими подход Рюдбека. Кроме того, по моему мнению, выбор именно медицинской темы особенно интересен в свете родства методов медицины и гуманитарных наук, на которое обратил внимание в своей знаменитой статье Карло Гинзбург¹. Анатомия была «первой любовью» Рюдбека, и его профессиональная подготовка в этой сфере иногда довольно неожиданно проявляется в «Атлантиде». Как будет видно из дальнейшего, сам автор в ряде случаев уподоблял свои историко-филологические штудии действиям анатома, вскрывающего труп, или врача, который обследует пациента. Я постараюсь показать, что анализ использованных в «Атлантиде» медицинских образов может многое рассказать нам о Рюдбеке-историке.

Для начала – несколько слов о жизни нашего героя². Рюдбек родился в декабре 1630 г. в Вестеросе. Его отцом был местный епископ Иоанн (Юхан) Рудбекиус, в свое время преподававший математику, древнееврейский язык и теологию в Упсальском университете, а затем служивший придворным проповедником и исповедником Густава II Адольфа³. Улоф учился сначала в вестеросской гимназии, а в 1648 г. поступил в Упсальский университет, с которым будет связана практически вся его дальнейшая жизнь. Он увлекся анатомией и еще будучи студентом совершил важное открытие – впервые обнаружил связанные с печенью лимфатические сосуды, о которых до тех пор ничего не было известно, и установил направление течения в них лимфы, внося тем самым существенный вклад в изучение лимфатической системы в целом (впоследствии ему пришлось бороться за приоритет в этой области со своим датским коллегой – не менее знаменитым Томасом Бартолином). В 1652 г. Рюдбек даже имел возможность в ходе сеанса анатомии продемонстрировать сделанное им открытие королеве Кристине, которая материально поддерживала подающего надежды студента. Правда, его диссертация, успешно защищенная в том же году, была посвящена системе кровообращения (она так и называлась – *De circulatione sanguinis*). В этой работе Рюдбек изложил принципы учения Уильяма Гарвея – автора «Анатомического исследования о движении сердца и крови у животных» (1628). Что важно – Рюдбек в данном случае не ограничился пересказом уже известных фактов и высказал ряд вполне самостоятельных суждений.

Результаты своих изысканий, касающихся лимфатических сосудов, он опубликовал только летом 1653 г. (*Nova exercitatio anatomica exhibens ductus hepaticos aquosos et vasa glandularum serosa*), после

чего уехал изучать медицину в Голландию, в Лейден. Вернувшись в 1654 г., начал читать лекции в родном университете. В 1658 г. Рюдбек стал экстраординарным, а через два года – ординарным профессором практической медицины. Уже в ноябре 1661 г. он был впервые избран ректором. Его карьере немало способствовал могущественный патрон – риксканцлер (и одновременно – канцлер университета) Магнус Габриель Делагарди, покровитель наук и искусств.

В Голландии Рюдбек собрал превосходную коллекцию семян редких растений и по возвращении в Упсалу разбил ботанический сад, ставший гордостью университета (к сожалению, впоследствии сад пришел в запустение, и потом Линнею пришлось его возрождать). Рюдбек активно занимался благоустройством Упсалы, организовал регулярное почтовое сообщение со Стокгольмом по озеру Меларен, сконструировал новую систему водоснабжения города, открыл при водяной мельнице настоящий завод, где было двадцать различных машин (на этом заводе он вел, выражаясь привычным нам языком, профессионально-техническое обучение молодежи). По его проекту в 1662–1663 гг. был также построен сохранившийся до наших дней анатомический театр (см. ниже).

В середине 1660-х годов Рюдбек участвовал в «международном астрономическом проекте», когда в конце 1664 и весной 1665 г. на небосклоне появилась комета (или, возможно, две кометы). Известный польский астроном Станислав Любинецкий привлек к наблюдениям коллег из разных стран, а полученные от них отчеты включил в опубликованный им в 1666–1668 гг. трактат «Theatrum cometicum». В своем отчете Рюдбек высказал немало проницательных суждений. Он, например, доказывал, что комета светит отраженным светом и что ее хвост всегда направлен в сторону от Солнца.

Рюдбек многое сделал для развития ботаники. Он публиковал каталоги и описания растений, которые выращивал в университетском саду, а когда в 1666 г. Упсальскому университету был передан захваченный шведами в Дании гербарий немецкого врача Иоакима Бурзера – друга знаменитого Каспара Баугина, задумал на основе этого материала издать большой ботанический атлас. Атлас получил название «Сarpus Elysii». Рюдбек руководил его подготовкой в течение десятилетий, ему активно помогал сын – Улоф Рюдбек Младший (впоследствии – крупный ботаник и зоолог). Предполагалось опубликовать 12 томов, содержащих 11 тысяч гравюр с детальными – причем в натуральную величину – изображениями различных видов растений. Это была огромная и очень важная работа. В 1701 и 1702 гг. вышли второй и первый (именно в таком порядке) тома, в общей сложности в них был представлен 1181 вид. Однако пожар 1702 г. уничтожил почти все подготовленные к публикации

материалы и клише (сохранились, правда, 12 томов раскрашенных рисунков, на которых представлены 6 тысяч видов; вероятно, эти рисунки должны были служить образцами при последующей раскраске гравюр из атласа по желанию покупателей). Эта катастрофа и смерть Рюдбека, последовавшая в сентябре того же года, поставили крест на подготовке издания.

Во время пожара 1702 г. погибли многие рукописи Рюдбека, чертежи, модели, коллекция музыкальных инструментов, а кроме того – бóльшая часть тиража четвертого тома «Атлантиды», находившегося в печати (сохранилось лишь восемь неполных экземпляров). Именно «Атлантида» – наряду с работой над атласом «Campus Elysiæ» – занимала Рюдбека больше всего в последние двадцать пять лет его жизни. Первый том вышел в 1679 г., второй – в 1689, третий – в 1698. Все они были написаны и изданы по-шведски (хотя параллельно был опубликован и латинский перевод)⁴. Прежде чем перейти к анализу медицинских образов в «Атлантиде», стоит немного рассказать о культурной традиции, в которую вписывается этот труд.

Речь идет о так называемом шведском готицизме⁵. Утверждение, что шведы – прямые потомки и наследники готов, великого народа древности, воплощавшего чуть ли не все мыслимые добродетели и покрывшего себя неуывдаемой славой, встречается в шведских источниках, по меньшей мере, с конца XIII – начала XIV в. Одним из главных аргументов в данном случае был лингвистический – описанные античными авторами готы отождествлялись со шведским племенем ётов, или гётов (*göter*).

Первым настоящим манифестом шведского готицизма обычно считается выступление в 1434 г. на церковном соборе в Базеле епископа Векшё Николауса Рагвальди – посланника короля Дании, Швеции и Норвегии Эрика Померанского. Когда возник спор о том, в каком порядке должны рассаживаться делегаты, епископ заявил, что главные почести должны быть оказаны ему, поскольку именно его король как истинный потомок готов по праву занимает первое место среди всех европейских монархов. В 1554 г. в Риме был опубликован труд умершего в изгнании католического архиепископа Швеции Юханнеса Магнуса «*Historia de omnibus gothorum sveonumque regibus*» – гимн многочисленным моральным достоинствам и славным свершениям готов и их потомков шведов. Несмотря на то что это сочинение во многом было направлено против короля Густава Вазы, осуществившего в Швеции реформацию, и против лютеранской церкви, нарисованная Ю. Магнусом картина величественного прошлого шведов-готов была чрезвычайно привлекательна с точки зрения укрепления престижа государства на международной арене,

поэтому потенциал его «Истории» довольно быстро начали использовать для пропаганды.

При Густаве II Адольфе (1611–1632) готицизм практически превратился в государственную идеологию Швеции. Апелляция к великому прошлому и призывы быть достойными славы предков нередко использовались королем в его публичных выступлениях – например, в прощальной речи 19 мая 1630 г. непосредственно перед отплытием в Германию для участия в Тридцатилетней войне.

Примерно тогда же шведский готицизм начал принимать новые обличья, что было связано с изменениями в отношении шведов к родной истории. В XVII в. произошло «открытие» (для науки) древнескандинавских письменных памятников (прежде всего, конечно, исландских), а также памятников рунической письменности. Их издание предполагало серьезную филологическую подготовку, что дало толчок развитию лингвистики – различные этимологические спекуляции стали неотъемлемым элементом готицистских построений. Началась настоящая охота за «древностями» (*antiquiteter*). Первоначально под «древностями» понимали прежде всего «материальные носители текстов». Однако со временем стало ясно, что следы славного прошлого можно искать и в курганах и древних развалинах. Указ 1666 г., в котором губернаторам, деканам и викариям во всех уголках страны рекомендовалось тщательно документировать и сохранять все достойные внимания «древности», включал в число последних уже и археологические памятники (этот указ считается первым в мире законом об охране имеющих историческую ценность объектов; он был повторен в 1676 г.). В том же 1666 г. была создана Антикварная коллегия (*Antiquitetskollegium*) – государственное учреждение по изучению и охране исторических памятников.

«Атлантида» – апофеоз этого научного готицизма XVII в., своеобразный пример «патриотической науки». Изучением готских «древностей» Рюдбек увлекся в начале 1670-х годов под влиянием своего друга, издателя древнеисландских манускриптов, тоже видного «готициста» и одного из зачинателей шведской археологии Улофа Верелиуса (1618–1682). Из непосредственных предшественников Рюдбека нужно отметить первого («неофициального») государственного антиквара Юханнеса Буреуса (1568–1652) и президента Антикварной коллегии, крупнейшего поэта эпохи Георга Шернъельма (1598–1672). Ю. Буреус прославился как «отец шведской грамматики», пионер рунологии, мистик – рунические надписи он считал образцами «готской каббалы», позволяющей истолковывать божественные знаки и предсказывать грядущее (которое виделось ему в апокалиптическом свете). Он первым из шведских «готицистов» XVII в. начал серьезно разрабатывать «гиперборейскую тему». Хотя

в отождествлении античной Гипербореи со Скандинавией не было ничего особенно нового (оно встречается, например, у Ю. Магнуса), Буреус «оживил» картину прошлого, обратившись к труду голландского автора Горопия, который в сочинении «Origines Antwerpianae» (1561) объявил жителей Антверпена потомками гипербореев. Г. Шернъельм в результате этимологических штудий пришел к выводу о том, что древний «готский» (он же «скифский», он же шведский), а отнюдь не древнееврейский (как полагал, между прочим, и Буреус), был древнейшим языком человечества, непосредственно происходившим от языка Адама и библейских патриархов.

Этого последнего мнения Рюдбек не разделял, признавая приоритет древнееврейского, но «гиперборейскую» линию продолжил. Как уже говорилось, он отождествил Швецию с платоновской Атлантидой (которая для него одновременно была и Гипербореей). В целом «история по Рюдбеку» выглядит примерно так: после всемирного потопа оставшиеся в живых люди собрались в Вавилоне. Затем последовали попытка возведения башни и рассеяние языков. Внук Ноя Магог с братьями отправился через Кавказ и Россию на север и в итоге осел на территории нынешней Швеции, в Упланде, сделав Старую Упсалу своей столицей. Вот этот регион и есть Атлантида, которая, вопреки утверждениям Платона, не была поглощена пучиной. Здесь появился рунический алфавит – предок греческого и латинского, здесь процветали науки и искусства, здесь, в Старой Упсале, стоял легендарный храм Аполлона, отсюда гипербореи/скифы/готы отправлялись в свои завоевательные походы, в результате которых расселились по миру и распространили свет знания⁶.

В основе построений Рюдбека лежала убежденность в том, что природные объекты, а также особенности наблюдаемого движения небесных тел и климата, отмеченные античными авторами при описании Атлантиды, Гипербореи, земель, в которых побывали аргонавты, и т.д., специфичны исключительно для Швеции. Впервые он обнаружил это, когда работал над картой для подготовленного У. Верелиусом издания одной из исландских саг⁷. Древние (тот же Платон, например), передавая дошедшие до них сведения, иногда искажали их, поскольку могли не знать, что речь шла именно о Швеции, но бóльшая часть сообщаемой античными авторами информации поддается проверке и полностью подтверждается. Доказывая это, Рюдбек использовал передовые естественно-научные методы: измерял расстояния между различными ориентирами на местности; чертил топографические карты; определял пути и время миграции перелетных птиц; делал астрономические вычисления, чтобы показать, что описания древних авторов не могут относиться к районам, например, Южной Европы. (Между прочим, Рюдбек одним из пер-

вых в Швеции начал проводить археологические раскопки – тут он делит приоритет с У. Верелиусом; результатом его усилий в этой сфере стал применяемый до сих пор метод датировки находок по глубине их залегания в почвенном слое.)

Важность указанного аргумента, апеллирующего непосредственно к природным условиям и географическому положению Швеции, а опосредованно – к новейшим достижениям науки, Рюдбек подчеркивает, сравнивая «Атлантиду» со зданием, стены и крыша которого – сочинения античных авторов, а фундамент – «земля, озера, горы и реки Швеции, а также прочие подобного рода приметы (*kien-neteckn*), с помощью которых древние описали особенности ее местоположения и которые сохранились до сих пор в неизменном виде...»⁸. (Отметим употребление в этом пассаже слова «приметы», но оставим его интерпретацию до поры до времени.) Природа Швеции – главный и самый надежный исторический источник.

Таким образом, занимаясь изучением истории, Рюдбек продолжал выступать как естествоиспытатель. Более того, он проводил недвусмысленные параллели между этими двумя видами исследовательской деятельности. И особую значимость в этом контексте приобретала анатомия.

Вообще, стоит отметить, что профессиональные познания Рюдбека в анатомии иногда довольно неожиданно проявляются в тексте «Атлантиды». Например, он сравнивает исход различных народов из Вавилона после всемирного потопа, а затем их возвращение в эти же места с движением крови в организме – от сердца до самых дальних уголков тела и назад, опять к сердцу⁹. Мог Рюдбек развить и чужую метафору. Вот забавный пример, в котором тоже обыгрывается тема кровообращения. В первой песни «Одиссеи» Афина Паллада говорит Зевсу:

Но теперь сокрушает мне сердце
Тяжкой своею судьбой Одиссей хитроумный; давно он
Страждет, в разлуке с своими, на острове волнообъятом
Пупе широкого моря, лесистом, где властвует нимфа,
Дочь кознодея Атланта...¹⁰

Рюдбек отождествляет упоминаемый здесь пуп моря с гигантским водоворотом, образующимся, по представлению древних, из-за того, что вода из Океана устремляется сквозь Землю в другой Океан, чтобы потом снова вернуться обратно. Гомер, пишет он, уподобил водоворот пупу, имея в виду, что по пуповине кровь перемещается из тела зародыша, находящегося в утробе, в организм матери, а потом назад¹¹. Вообще, похоже, подобного рода образы нравились Рюдбеку – как-никак он был автором диссертации «Об обращении

Илл. 1. Рюдбек в ходе анатомического сеанса демонстрирует ученым мужам, поэтам и героям древности величие шведского прошлого. «Атлантида», атлас, фронтиспис

крови». Например, в 1670 г. в письме на имя короля (страной в тот период управляло регентское правительство) он уподобил главу государства сердцу, для которого одинаково чувствительна потеря капли крови из раны как на голове, так и на пальце ноги¹².

Однако эти анатомические образы служили преимущественно для украшения текста. В нашем случае гораздо важнее другое обстоятельство. В XVII в. анатомия была одним из символов новой науки. Для нее особенно типичен пафос разоблачения, срывания покровов и предъявления истины во всей ее наготе. Анатомия есть искусство демонстрации сокрытого – причем не только ради удовлетворения научного интереса, но и в нравоучительных целях. В мае 1677 г. коллега Рюдбека Петрус Ховениус должен был провести в Упсале публичный сеанс анатомии. Рюдбек написал текст объявления о предстоящем событии. Подчеркнув в самом начале, что он обращается к уважаемой публике не по-латыни, как обычно, а на шведском («готском/скифском») языке, поскольку этот язык не менее древен и велик (патриотизм превыше всего!), Рюдбек далее проводит параллель между видом человеческих внутренностей и элементами костюма, продиктованными последними веяниями моды. Главное здесь заключается в том, что и то, и другое крайне недолговечно, преходяще. Зрителей, таким образом, призывали извлечь моральный урок из созерцания вскрытого трупа – задуматься о тщете земного существования¹³.

В связи с этим нельзя не вспомнить об анатомических театрах, получивших широкое распространение с конца XVI в. Как уже было сказано, Рюдбек спроектировал такое сооружение в Упсале (именно здесь в 1677 г. состоялся упомянутый сеанс). В качестве архитектурных образцов Рюдбек использовал знаменитые анатомические театры в Падуе и Лейдене (последний он посещал лично), а также лейденскую церковь Святой Марии (Marekerk). Но если в Европе сеансы анатомии проводились, как правило, при искусственном освещении (поскольку его проще обеспечивать и контролировать), то свой театр Рюдбек построил так, чтобы на помещенный в центре анатомический стол фокусировался естественный свет, который лился из расположенных кругом широких окон. Пафос демонстрации требовал особой оптики¹⁴.

Об анатомии как новом, современном методе познания реальности, приверженцы которого могут доказать свою правоту путем публичной демонстрации, речь идет в истории, рассказываемой Рюдбеком в конце первого тома «Атлантиды». Попросив читателей сообщать ему об обнаруженных в тексте ошибках, Рюдбек пишет, что не желает быть похожим на человека, который не чувствует – или отказывается признавать, – что у него что-то болит (здесь он цитирует один из афоризмов Гиппократа). Вместо этого он хотел бы быть

похожим на некоего «крестьянина, который заболел тяжелой болезнью, воображив (так иногда бывает), будто его нос столь огромен, что протыкает насквозь и убивает всех, кого он встречает на своем пути. Врачам пришлось много потрудиться, прежде чем они, применив необходимые средства, смогли помочь ему излечиться; и когда он выздоровел и узнал, что в Утрехте состоится публичное вскрытие тела человека, он попросил медиков, чтобы они показали на примере этого мертвого тела, в чем заключалась его болезнь. Когда он туда прибыл, анатом демонстрировал все новые открытия (букв. – “вещи”, “дела” (*saker*). – А.Т.), а именно – как кровь бежит по телу и как сок, образующийся из съеденной пищи, течет по белым молочным сосудам (речь идет в данном случае о лимфатических сосудах. – А.Т.) и тому подобное, что все находившиеся там люди, удивляясь, ясно наблюдали и должны были признать, что все так и есть; за исключением нескольких старых докторов медицины, не желавших верить опыту этих молодых докторов, хотя прямо на их глазах кровь, движимая сердцем, останавливалась в пережатых сосудах ниже повязки; они же говорили, что это происходит от боли, как будто сосуд не болел одинаково как ниже, так и выше повязки. И подобным же образом они отрицали все, что сегодня весь мир считает истинным. И когда крестьянин вышел оттуда, он поблагодарил Бога за то, что не стал слишком уж ученым (*spränglärard*). “Иначе, – сказал он, – я заблуждался бы вместе с этими стариками, а теперь понимаю, что я вижу, слышу, осязаю и ощущаю на вкус”»¹⁵.

Хотя Рюдбек заявляет, что как автор «Атлантиды» он хотел бы уподобиться побывавшему на сеансе анатомии крестьянину, его слова не должны вводить нас в заблуждение. Скорее, он отождествляет себя с молодым анатомом, которому не верят только упрямые сторонники «старой школы», не умеющие думать самостоятельно и делать из увиденного правильные выводы. Обычно Рюдбек ставил себя на место тех, кто открывает истину, а не тех, кто пассивно внимает объяснениям.

Сразу за рассказом о крестьянине следует история о голландском садовнике, который, начитавшись приукрашенных описаний Ост- и Вест-Индий, решил увидеть все собственными глазами и отправился в путешествие. Свои личные – менее красочные – впечатления он честно описал в книге. Однако ее распространение вызвало недовольство «ученых авторов», которые раньше рассказывали в своих трудах о тех же землях со всеми их чудесами. Эти авторы обратились к богам с Аполлоном во главе, требуя наказать самозванного писателя. Большинство богов, не разобравшись, сразу же стали ругать садовника, но Аполлон потребовал принести злополучную книгу, раскрыл ее и прочитал на первой же странице: «Et pos

homines» – «Мы тоже люди», т.е. каждый может заблуждаться. Тогда он сам отправился в путь и обнаружил, что садовник описал увиденное точнее, чем его предшественники. Вернувшись, Аполлон посоветовал всем, кто критиковал книгу садовника, написать у себя на ногтях – чтобы все время иметь перед глазами – «Et vos homines», «Вы тоже люди». Этой фразой, выделенной большими буквами, заканчивается первый том «Атлантиды»¹⁶.

Те же слова, «Et nos homines», мы видим и на гравюре, которая открывает атлас, прилагавшийся к первому тому (илл. 1). Здесь мы имеем дело с основополагающим образом, зримым выражением кредо Рюдбека. На гравюре изображен он сам, в позе анатома, скальпелем разрезающего поверхность большого глобуса. Он приподнимает фрагмент с надписью «Svesia». Под вскрытой поверхностью обнаруживается земля, именуемая «Deogum insula» – «Остров богов». По правую руку от Рюдбека стоит Время – старец с косою и песочными часами на голове. Это персонаж традиционного аллегорического сюжета «Истина – дочь Времени». Время указывает на Остров богов на глобусе. Вокруг стоят изумленные ученые мужи, поэты и герои древности: Платон, Гесиод, Аристотель, Аполлodor, Тацит, Одиссей, Птолемей, Плутарх, Гомер, Орфей. В интерьере исследователи усматривают намек на помещение анатомического театра, построенного по проекту Рюдбека. Над головой анатома – Большая и Малая Медведицы, символизирующие Север, и извивающееся тело дракона – как на рунических камнях¹⁷. Смысл изображения совершенно прозрачен: Рюдбек открывает Истину, делает ее очевидной для всех, а тем, кто раньше не понимал, что Атлантида и есть Швеция, остается лишь восклицать: «Et nos homines».

Рассмотренные анатомические образы показывают, насколько важны были для Рюдбека принципы эмпирического исследования и какое значение он им придавал в связи с изучением прошлого. Он не преминул подчеркнуть свою приверженность естественным наукам. В этом контексте многозначительно выглядит сопоставление попытки Рюдбека переписать всю историю человечества с коперниканским переворотом в астрономии¹⁸.

Однако верность естествоиспытательской традиции и обращение к методам естественных наук для верификации данных письменных источников – это лишь одна сторона исторического метода Рюдбека. Вторая сторона – приверженность толкованиям. Для рассмотрения этой особенности снова обратимся к используемому Рюдбеком медицинскому образу, но немного другого типа – отличного от приведенных выше.

Во втором томе «Атлантиды» Рюдбек критикует тех, кто отождествляет платоновскую Атлантиду с Америкой. Этот вывод, по

его мнению, делается поспешно, тогда как «не следует в подобных случаях, если требуется сравнить два явления, которые описываются или могут быть описаны многими признаками, сразу по двум или трем из них приходиться к заключению, но необходимо действовать так, как медики и естествоиспытатели (*Medici och Physici*) обращаются с больными и с любимыми явлениями природы. Если медик слышит жалобы пациента на плохое состояние, он не заявляет сразу, что у того лихорадка или паучая; вместо этого он расспрашивает, когда тот заболел, как началась болезнь, в какой части тела, с холода или с жара, испытывает ли пациент жажду, хорошо ли спит, не потерял ли аппетит, нет ли у него задержки мочи, часто ли он бывает на свежем воздухе, какой у него пульс и еще о многих подобного рода признаках; затем тщательно сравнивает полученные сведения с подлинными симптомами разных заболеваний и после этого заключает, идет речь о той или другой болезни. Если естествоиспытатель слышит рассказ о некоем неизвестном животном и ему говорят, что у этого животного есть глаза, он не отвечает сразу, что это шука; если ему говорят, что у этого животного есть ноги, естествоиспытатель не отвечает сразу, что это медведь; и если говорят, что у животного также есть крылья, он не отвечает сразу, что это орел; вместо этого естествоиспытатель тщательно расспрашивает о размерах животного, о том, какие у него ноги – короткие или длинные, состоят крылья из перьев или же они тонкие, как паутина и т.п. В противном случае естествоиспытатель будет быстро обманут, а описанное удивительно большое и новое животное в конце концов окажется комаром»¹⁹.

Таким образом, прежде чем выносить какое-либо суждение, необходимо сопоставить друг с другом все сведения, которые можно добыть. О важности этого принципа Рюдбек рассуждает также и во вводной, методологической главе первого тома «Атлантиды»²⁰. В процитированном фрагменте историк сравнивается с врачом, «читающим» симптомы болезни, и с естествоиспытателем, который в данном случае не наблюдает реальность самостоятельно, а вынужден полагаться на чужие описания. Здесь нельзя не вспомнить о медицинских истоках «уликовой парадигмы» гуманитарных наук, о чем идет речь в упоминавшейся уже статье Карло Гинзбурга.

Из сообщений древних авторов отнюдь не всегда можно сразу «выудить» сведения, поддающиеся проверке методами естественных наук. Хорошо, если есть какие-то цифровые данные или указания на типичные для данного региона природные явления, вроде полярной ночи. Такого рода «симптомы», или «приметы», «читаются» относительно легко (хотя при этом, разумеется, не исключены ошибки!). Но что если подобного рода сведений в наших источниках нет? Тогда можно либо отбросить эти и поискать новые; либо попробовать

«выудить» из имеющихся источников информацию другого типа; либо, наконец, предположить, что наши источники выражаются иносказательно, и попытаться истолковать их в *метафорическом* ключе.

Здесь мне кажется важным обратить внимание на одно замечание К. Гинзбурга по поводу «уликовой парадигмы». Итальянский историк в данном случае опирался на введенное Р.О. Якобсоном различие между осью метонимии и осью метафоры. Прочитую знаменитую статью Якобсона: «Речевое событие может развиваться по двум смысловым линиям: одна тема может переходить в другую либо по подобию (сходству), либо по смежности. Для первого случая наиболее подходящим способом обозначения будет термин “о с ь м е т а ф о р ы”, а для второго – “о с ь м е т о н и м и и”, поскольку они находят свое наиболее концентрированное выражение в метафоре и метонимии соответственно»²¹. И чуть ниже: «В способах обращения с этими двумя видами связи (сходством и смежностью) в обоих их аспектах (позиционном и семантическом), в их выборе, комбинировании и ранжировании каждый индивид проявляет свой личный языковой стиль, свои языковые склонности и предпочтения.

Особенно явно выражено взаимодействие этих двух элементов в искусстве слова. (...) На основе этого материала может быть выработан объективный критерий для определения языковых предпочтений, свойственных той или иной языковой общности. Поскольку каждое из обсуждаемых отношений (сходство и смежность) может проявляться на любом языковом уровне – морфемном, лексическом, синтаксическом и фразеологическом – и в любом из двух аспектов, тем самым создается впечатляющий диапазон разнообразных конфигураций. При этом может доминировать любой из двух гравитационных полюсов»²².

Гинзбург, отталкиваясь от рассуждений Якобсона, пишет по поводу «охотничьего типа знания» как раннего и типичного варианта «уликовой парадигмы»: «...риторические фигуры, на которые до сих пор опирается язык охотника-следопыта: часть, замещающая целое, следствие, замещающее причину, – соотносятся с осью метонимии (организующей для прозаического языка) и полностью исключают ось метафоры»²³. По-моему, очевидно, что это родство с метонимией характерно и для медицинской практики «чтения» симптомов («семейотики», как выражается К. Гинзбург²⁴), и для определения Рюдбеком в сообщениях античных авторов географических или астрономических «примет» Швеции.

Между тем Рюдбек так же часто – если не чаще – истолковывал свои источники по оси метафоры. Высказывания древних авторов для него обладали скрытым смыслом: на самом деле источники говорят не то, что кажется на первый взгляд; это загадки (*gåtor*) (кото-

рые для него, вдобавок ко всему, тождественны мифам). Древние выражались иносказательно, когда хотели пояснить профанам сложные вещи или, наоборот, скрыть что-то (Рюдбек, при всей своей вере в прогресс, был твердо уверен в том, что предки имели такие же обширные познания во всех науках, как и европейцы XVII в.²⁵).

«И потому древнейший период [истории] назвали “временем загадок” (*Gåtetiden; tempus Mytologicum*); когда он закончился и люди начали по-другому объяснять и описывать дела человеческие и прочие естественные события, последующим поколениям стало трудно понимать загадки и песни древних», – пишет Рюдбек²⁶. Это характерный для науки раннего Нового времени взгляд. Ср., например, у Ф. Бэкона: «Поскольку открытия и выводы человеческого разума (даже те, которые в наше время общеизвестны и очевидны) были в то время новыми и непривычными, то люди с трудом воспринимали тонкость этих рассуждений и приходилось прибегать к образным сравнениям и примерам, более доступным для понимания, чем абстрактные умозаключения. Поэтому мы встречаем у древних на каждом шагу множество всякого рода мифов, притч, загадок и сравнений»²⁷. Нельзя в этой связи не вспомнить и о характерном для XVII в. увлечении эмблемами²⁸.

Как толкователь Рюдбек активно применял «этимологический метод» (чтобы объявить родственными те или иные слова в различных языках), а также постоянно «дополнял» сообщения античных авторов сведениями, почерпнутыми из новооткрытых скандинавских памятников. Сам он следующим образом резюмировал использовавшиеся им принципы: «Для того, кто хочет толковать древние загадки, кажется необходимым, во-первых, овладеть языком и хорошо усвоить, откуда пришли боги или короли, или народы, которые принесли с собой эти загадки и почетные королевские титулы в другие страны, поскольку в противном случае слова начинают употреблять неправильно <...>

2. Нужно, как говорит Страбон, внимательно и целиком читать все сочинения, которые удастся найти, и тщательно их сравнивать, прежде чем делать какие-либо выводы.

3. Наконец, обращать внимание на тему – то, что является главным для автора – и на используемые поэтами иносказания (*liknelser*), поскольку под одним и тем же словом в зависимости от темы повествования могут иметься в виду разные вещи»²⁹.

Вот к чему приводило Рюдбека следование этим принципам. Название Имейской горы, упоминаемой, в частности, у Страбона, Плиния, Птолемея, но однозначно не локализуемой нигде, он возводит к имени великана Имира. О последнем в «Младшей Эдде» говорится: «Сыновья Бора убили великана Имира. <...>

Они взяли Имира, бросили в самую глубь Мировой Бездны и сделали из него землю, а из крови его – море и все воды. Сама земля была сделана из плоти его, горы же из костей, валуны и камни – из передних и коренных его зубов и осколков костей»³⁰. Отсюда Рюдбек делает вывод: выражение «Имейская гора» указывает на горы, горные массивы вообще. Ведь в глубине, под землей горы связаны друг с другом, как все кости в человеческом – или Имировом – теле; на поверхности же они напоминают кости торчащие (например, позвонки)³¹.

Подобных примеров можно привести множество. Этот я выбрал прежде всего потому, что он имеет некоторое отношение к анатомии и показывает, как Рюдбек использовал древнескандинавские источники для истолкования сообщений античных авторов. Не менее красочна и интерпретация Рюдбеком мифа о прикованном Прометее – он здесь усмотрел аллегория, призванную свидетельствовать о достижениях готов/скифов/шведов в металлургии. В частности, он в данном контексте приводит такие символические соответствия: сердце – Солнце – золото, мозг – Луна – серебро, легкие – Сатурн – свинец и олово, печень – Венера – медь, селезенка – Марс – железо. Скала, к которой прикован Прометей, – это гора, в недрах которой добывают руду. Орел, хищная и выше всех летающая птица, – огонь, зажигаемый на ночь в шахтах, чтобы облегчить выработку руды, и т.д. и т.п.³²

Вот еще один, анекдотический, пример подобного поиска скрытого смысла ради подтверждения собственной теории. У античных авторов говорится, что в Атлантиде водились слоны, а хотя их «в Швецию часто привозят, их здесь никогда не видели во множестве». Значит, заключает Рюдбек, древние в данном случае «под слонами имеют в виду волков», ведь из «Младшей Эдды» известно, что скальды могли заменять в своих висах одно животное другим – так, чтобы при этом идентификация оставалась возможной³³.

Следует подчеркнуть одну важную особенность интерпретативной стратегии Рюдбека. Современный шведский исследователь Матс Мальм пишет, что Рюдбек заменил нравоучительный контекст, в котором до него принято было истолковывать аллегории, на прагматический. Ему были нужны исторические факты. Его толкования не метафизичны, но конкретно-историчны. В результате прикованный Прометей, по Рюдбеку, символизирует не самопожертвование, например, а именно способы получения различных металлов. При этом направление интерпретации изначально определяется «национально-патриотической» идеологией³⁴.

Таким образом, Рюдбек читал свои источники двояким образом: во-первых, он искал в них детали (в частности, указания на особен-

ности ландшафта или климата), которые, по его мнению, имели непосредственное отношение к Швеции и могли быть верифицированы как характерные именно для этого региона с помощью методов естественных наук; во-вторых, если таких деталей не обнаруживалось, он рассматривал сообщения источников как иносказания и истолковывал их в контексте своей грандиозной гипотезы (которая для него была, конечно, Истиной)³⁵.

В первом случае между особенностями текста источника и тем явлением или событием, на которое эти особенности, по мнению историка, указывают, постулируется связь, которую я – памятуя о введенной Р. Якобсоном дихотомии – рискну назвать метонимической. (Подчеркну: здесь и далее речь идет не о метонимии как виде тропа, а об определенном типе отношений между звеньями выстраиваемой цепочки – отношении смежности во времени и/или пространстве. Таким образом, слово «метонимия» употребляется не в его терминологическом значении.) Во втором случае связь метафорическая (утверждается, что на некоем участке цепочки произошло полное замещение как минимум одного элемента другим).

Очевидно, что для нас эти два типа аргументации различаются по своему эпистемологическому статусу. В случае с аргументацией, апеллирующей к связям по оси метонимии, мы имеем дело с «уликовой» парадигмой, «семейотикой»: историк, как охотник, врач или детектив, опирается в своих рассуждениях на свидетельства, надежность которых гарантируется, с одной стороны, их временной и пространственной близостью изучаемому событию или явлению³⁶, с другой стороны, обстоятельствами их возникновения, – эти свидетельства как таковые не являются результатом сознательного творчества авторов источников. Свидетельствами, уликами, они становятся лишь для историка, который формулирует свои вопросы к источникам. Апелляция же к связям по оси метафоры предполагает как раз сознательный выбор автором источника определенного способа (иносказательного) выражения. Это уже герменевтика и семиотика.

Рюдбек смешивает оба эти типа аргументации. Иногда весьма экстравагантным способом. Например, в первом томе «Атлантиды» он объясняет, что под драконом, охранявшим, согласно известному мифу, яблоки Гесперид, древние имели в виду, безусловно, Швецию. Рюдбек сначала цитирует Солина, который видел в этом образе намек на особенности ландшафта (извилистый морской залив), а потом заявляет, что подобного рода заливы типичны прежде всего для берегов Скандинавии и что вообще больше всего на дракона очертаниями похоже Балтийское море³⁷. В другом месте Рюдбек приводит девять доказательств того, что в египетских и греческих мифах на

самом деле говорится о Скандинавии. Заявив, что древние, рассказывая о богах, имели в виду определенные природные явления, он тут же подчеркивает, что эти явления абсолютно не характерны для прочих регионов. Вот в высшей степени характерное рассуждение: «Как можно утверждать, что Изиды проливает сухие слезы – то есть снег – по умершему Осирису в Египте или в более удаленных южных странах, в которых не знают, что такое снег, и где, даже если он вдруг выпадет, это считают великим чудом»³⁸.

Рискну предположить, что именно смешение двух указанных типов аргументации во многом объясняет то недоумение, которое наш современник испытывает при чтении «Атлантиды». Дело, вероятно, в противоречивости риторических эффектов.

С одной стороны, апелляция к связям по оси метонимии в рассматриваемом случае предполагает повышенное внимание к деталям, которые с первого взгляда кажутся незначительными. В связи с этим стоит вспомнить о Бартовом «эффекте реальности» в литературе, достигаемом за счет присутствия в тексте как будто лишней детали – «неделимых остатков», отсылающих «всякий раз к тому, что обычно называют “конкретной реальностью” (мелкие жесты, мимолетные позы, незначительные предметы, избыточные реплики)»³⁹. Любопытно отметить, что Барт указывал в данном контексте на связи исторического нарратива и реализма в литературе: «Именно история (исторический дискурс – *historia rerum gestarum*) и служит образцом для тех видов повествования, где межфункциональные промежутки заполняются структурно излишними элементами; логично поэтому, что реализм в литературе сложился примерно в те же десятилетия, когда воцарилась “объективная” историография...»⁴⁰. А Якобсон писал о родстве реализма с метонимией: «...повсеместно признается тот факт, что романтизм тесно связан с метафорой, тогда как столь же близкие связи реализма с метонимией обычно остаются незамеченными»⁴¹.

С другой стороны, по общему признанию, метафора – главный инструмент поэзии. Какими бы «приземленными» ни были предложенные Рюдбеком толкования «загадок» древних, они все равно производят поэтический эффект (а к этому стоит добавить, что и сам Рюдбек, как большинство его современников, постоянно прибегал к метафорам для иллюстрации собственных мыслей). Метафора привносит в систему рациональных доказательств эмоциональную составляющую. Вот превосходная формулировка: «Ее (метафоры. – А.Т.) место обитания – это литература в буквальном смысле слова и идеология в широком смысле. Если условия конституирования этих областей связать с реализацией определенных целей, а цели – с достижением эффекта эмоционального возбуждения или убеждения, то отчетливо видно, что без метафоры как стратегии преобразования

значений слов или фрагментов текста здесь просто не обойтись. Роль метафоры заключается в суггестивном насыщении текста»⁴².

В свете всего вышесказанного не вызывает удивления мнение ряда исследователей, предлагающих читать «Атлантиду» прежде всего как художественное произведение, ценность которого определяется его литературными качествами (стиль, образность и т.п.). Курт Юханнессон даже назвал Рюдбека «Гесиодом шведской литературы»⁴³. Одновременно бóльшую весомость приобретают призывы автора «Атлантиды» к читателям не ограничиваться поверхностным знакомством с текстом, а внимательно изучать его целиком⁴⁴, – эмоциональная убедительность повествования играет роль не менее важную, чем его доказательность. Г. Эрикссон даже отважился – со всеми приличествующими оговорками – предположить, что самим Рюдбеком могло двигать стремление убедить себя в истинности своих собственных теорий (отсюда, в частности, неустанный поиск все новых и новых доказательств)⁴⁵.

Конечно же, нам кажется странным, что Рюдбек не различает «уликово-метонимическую» и «герменевтически-метафорическую» цепочки аргументации. С нашей точки зрения, интерпретация значения знака, являющегося продуктом чьей-то сознательной деятельности, принципиально отличается от умозаключения, базирующегося на изучении улик, которые оказались в нашем распоряжении помимо чужой воли или даже вопреки ей. Однако стоит вспомнить о том, что для Рюдбека и вообще для его современников мир был умопостигаем постольку, поскольку он был создан Господом. Таким образом, раскрытие тайн природы естествоиспытателем означало в то же время и постижение Божественного замысла. Поэтому Рюдбек – так же, как и, например, близкий ему по духу Ф. Бэкон, – всячески подчеркивал сходство между толкованием текстов, написанных людьми, и «чтением» «написанной» Богом Книги Природы⁴⁶.

Эта широко известная метафора была особенно популярна именно в раннее Новое время. Она утверждала такой тип знания, для которого не было принципиальной разницы между препарированием трупа и анализом письменного текста. И потому хороший анатом имел все основания надеяться на успех в том числе и на поприще изучения истории.

¹ Гинзбург К. Приметы: Уликовая парадигма и ее корни // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история / Пер. с ит. и послесл. С.Л. Козлова. М., 2004. С. 189–241.

² Я опираюсь прежде всего на новейшее исследование Гуннара Эрикссона: Eriksson G. Rudbeck 1630–1702: Liv, lärdom, dröm i barockens Sverige. Stockholm, 2002. Более ранний вариант этой работы был опубликован по-английски:

Idem. The Atlantic Vision: Olaus Rudbeck and Baroque Science. Canton (Mass.), 1994. О Рюдбеке и его научной деятельности см. также: *Nordström J.* De uverbornes ö: Till Atlanticans förhistoria // *Nordström J.* De uverbornes ö: Sextonhundratalets studier. Stockholm, 1934. S. 130–154; *Lindroth S.* Svensk lärdomshistoria. Stockholm, 1975. Bd. II. S. 284–305; *Hall P.* Den svenskaste historien: Nationalism i Sverige under sex sekler. Stockholm, 2000. S. 49–72; *Schmidt-Voges I.* De antiqua claritate et clara antiquitate Gothorum: Gotizismus als Identitätsmodell im frühneuzeitlichen Schweden. Frankfurt a. M., 2004. S. 169–191.

³ Кстати, летом 1615 г. в Нарве Иоанн Рудбекиус, по-видимому, принимал участие в теологическом диспуте с русскими православными священниками из Ивангорода. См. подробнее: *Толстиков А.В.* Русское православие в свете шведской лютеранской теологии (первая половина XVII в.) // Мозаика. Фрагменты истории шведской культуры. М., 2006. С. 209–214.

⁴ По-шведски труд называется «Atland eller Manheim» – «Атлантида, или Жилище Людей». Слово «Manheim» (Mannheim), которое на русский язык обычно переводят как «Жилище Людей», Рюдбек заимствовал из древнеисландской литературы. Ср. у Снорри: «Эта Швеция называлась Жилищем Людей, а Великая Швеция называлась Жилищем Богов» (*Снорри Стурлусон.* Круг Земной. М., 1980. С. 15). В западноевропейской историографии принято использовать латинское название труда Рюдбека – «Atlantica». См. современное издание шведского текста: *Rudbeck O.* Atlantica. Uppsala; Stockholm, 1937. Bd. I; 1939. Bd. II; 1947. Bd. III; 1950. Bd. IV. Отдельным томом опубликован атлас: *Ibid.* 1938. Taflor.

⁵ В дальнейшем я использую свою статью: *Толстиков А.В.* «Шведскость» как «готскость»: шведский готицизм XV–XVII вв. // *Сущность и метаморфозы шведской идентичности* (в печати).

⁶ Очень подробный реферат всех четырех томов «Атлантиды» содержится в указанной работе Г. Эрикссона: *Eriksson G.* Rudbeck... S. 257–496.

⁷ *Rudbeck O.* Op. cit. Bd. I. S. 3–5.

⁸ *Ibid.* S. 560.

⁹ *Ibid.* S. 40.

¹⁰ *Гомер.* Одиссея / Пер. В.А. Жуковского. М., 1987. С. 23.

¹¹ *Rudbeck O.* Op. cit. Bd. I. S. 197.

¹² *Eriksson G.* Rudbeck... S. 118.

¹³ *Ibid.* S. 195–196.

¹⁴ Подробнее об анатомическом театре Рюдбека см.: *Eriksson G.* Rudbeck... S. 191–198. В более широкой перспективе – анатомия как универсальный метод познания природы, оптика анатомических театров, анатомия в изобразительном искусстве – см. превосходные работы Торстена Веймарка: *Weimarck T.* Nya borddansen: En essä om det bildskapande bordet. Stockholm; Stehag, 1992. S. 61–75; *Idem.* “Först med sin hud lägger människan av sin ärelystnad”: Några aspekter på anatomi som vetenskaplig, konstnärlig och moralisk förebild i nordiskt 1600-tal // 1600-talets ansikte / Red. S.Å. Nilsson och M. Ramsay. Nyhamnsläge, 1997. S. 378–405.

¹⁵ *Rudbeck O.* Op. cit. Bd. I. S. 562–563. Ср. у Фрэнсиса Бэкона в его знаменитом труде «О достоинстве и приумножении наук»: «Я, кажется, уже вскрыл и как бы рассек ударом скальпеля все те вредные нарывы (или по крайней мере главнейшие из них), которые не только препятствуют развитию наук, но и дают повод для их обвинения» (*Бэкон Ф.* Соч. 2-е, испр. и доп. изд. М., 1977. Т. 1. С. 116).

- ¹⁶ Rudbeck O. Op. cit. Bd. I. S. 563.
- ¹⁷ Прототипом изображения, вероятно, послужил титульный лист знаменитого атласа Везалия (1543). См.: *Ellenius A. Olaus Rudbecks atlantiska anatomi // Lychnos: Lärdomshistoriska samfundets årsbok*. 1959. Uppsala, 1960. S. 40–53. Эта статья была позднее перепечатана (без сносок) в работе: *Ellenius A. Den atlantiska anatomin: Ur bildkonstens idéhistoria*. Stockholm, 1984. S. 9–22.
- ¹⁸ Eriksson G. Rudbeck... S. 540.
- ¹⁹ Rudbeck O. Op. cit. Bd. II. S. 22.
- ²⁰ Ibid. Bd. I. S. 8–12.
- ²¹ *Якобсон Р.О.* Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. М., 1990. С. 126.
- ²² Там же. С. 127. Здесь, вероятно, следует подчеркнуть, что введенное Якобсоном противопоставление метафоры и метонимии (хотя эта концепция и получила очень широкое распространение) – разумеется, не аксиома. Делались, например, попытки свести все тропы к одному, «базовому» – метонимии (Умберто Эко) или синекдохе (так называемая льежская группа, Цветан Тодоров). См., в частности: *Лотман Ю.М. Риторика // Лотман Ю.М. Избранные статьи*. Таллинн, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 170–171; *Эко У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и ит. С.Д. Серебряного. СПб., 2005. С. 117–154. С другой стороны, ср. замечание Хейдена Уайта: «Хотя Метафорически-Метонимическая диада оказалась плодотворной для анализа языковых феноменов, ее использование в качестве теоретической рамки для характеристики *литературных* стилей, с моей точки зрения, ограничено. В целях разграничения различных стилистических конвенций в рамках единой традиции дискурса я склонен использовать четверичное представление о тропах, общепринятое со времен Ренессанса» (*Уайт Х.* Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитонова. Екатеринбург, 2002. С. 53, примеч. 27*). Речь в данном случае идет о метафоре, метонимии, синекдохе и иронии. Уайт, как он сам признает (Там же. С. 24, примеч. 4*), в своих построениях «сильно зависел от двух теоретиков литературы, работы которых представляют собой настоящие философские системы»: *Frye N.* The Anatomy of Criticism: Four Essay. Princeton, 1957; *Burke K.* A Grammar of Motives. Los Angeles, 1969.
- ²³ *Гинзбург К.* Указ. соч. С. 198.
- ²⁴ Переводчик указанной статьи итальянского историка С.Л. Козлов замечает по этому поводу: «Само написание слова, избранное Гинзбургом (*semeiotica*, в отличие от общепринятого *semiotica*), противопоставляет описываемый им комплекс знаний – семиотике в современном западном понимании (т.е. семиотике как абстрактной науке о знаках, в смысле Пирса – Морриса)» (Там же. С. 196, подстрочное примеч.).
- ²⁵ Eriksson G. Rudbeck... S. 520.
- ²⁶ Rudbeck O. Op. cit. Bd. II. S. 31.
- ²⁷ Бэкон Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 178. Бэкон вообще много занимался античными мифами. См., например, его толкование мифов о Пане, Персее и Дионисе (Там же. С. 179–198), а также его сочинения «О мудрости древних» (Там же. 1978. Т. 2. С. 233–300) и «О начале и истоках в соответствии с мифами о Купидоне и о Небе, или о философии Парменида и Телезио и особенно Демокрита в связи с мифом о Купидоне» (Там же. С. 303–347). См. также: *Суббо*

- тин А.Л. Античная философия и мифология в толковании Фрэнсиса Бэкона // Там же. С. 534–539.
- ²⁸ См., например: Михайлов А.В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Михайлов А.В. Языки культуры: Учеб. пособие по культурологии. М., 1997. С. 142–168.
- ²⁹ Rudbeck O. Op. cit. Bd. II. S. 39–40. В связи с третьим пунктом стоит отметить, что Рюдбек нередко ссылался на списки кеннингов в «Младшей Эдде». Типичные образы скальдической поэзии он рассматривал как «ключи» для решения «загадок» древних (см. подробнее: Malm M. Minervas äpple: Om diktsyn, tolkning och bildspråk inom nordisk göticism. Stockholm; Stehag, 1996. S. 80–83).
- ³⁰ Младшая Эдда. Л., 1970. С. 17–18.
- ³¹ Rudbeck O. Op. cit. Bd. I. S. 246.
- ³² Ibid. Bd. IV. S. 94–95.
- ³³ Ibid. Bd. I. S. 184. Позднее Рюдбек стал допускать, что тут речь шла не о волках, а о лосях (Ibid. Bd. II. S. 12).
- ³⁴ Malm M. Op. cit. S. 73–95, 104.
- ³⁵ Конечно, существует еще возможность буквального прочтения источников, но Рюдбек стремился именно к демонстрации неочевидного, разоблачению привычных представлений. Его целью было показать, что «не так все было».
- ³⁶ Здесь можно вспомнить о принципе, согласно которому более надежен тот источник, который был создан одновременно с описываемыми событиями или вскоре после них. Кроме того, любопытно отметить, что для нас ценность исторических памятников и музейных экспонатов определяется во многом, так сказать, сетью их метонимических связей (в этом доме бывал Пушкин, это платье носила Екатерина II и т.п.). Архитектурный «новодел», напротив, ущербен потому, что он «не тот же самый», пусть даже он и во всем подобен безвозвратно утраченному оригиналу.
- ³⁷ Rudbeck O. Op. cit. Bd. I. S. 354.
- ³⁸ Ibid. Bd. II. S. 49.
- ³⁹ Барт П. Эффект реальности // Барт П. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 397. Ср. также развитие идей Барта применительно к историографии у Фрэнка Анкерсмита: Ankersmit F.R. The reality effect in the writing of history. Amsterdam, 1989. (Есть хороший реферат этой небольшой работы: Гавришина О.В. Историческая наука в ситуации «постмодерна»: По материалам работы Ф.Р. Анкерсмита «Эффект реальности в трудах историков»: (Обзор концепции) // Культура и общество в Средние века – раннее Новое время. Методол. и методики соврем. зарубежных и отечественных исслед.: Сб. анализ. и реф. обзоров. М., 1998. С. 137–153.)
- ⁴⁰ Барт П. Указ. соч. С. 398.
- ⁴¹ Якобсон Р.О. Указ. соч. 130.
- ⁴² Суровцев В.А., Сыров В.Н. Языковая игра и роль метафоры в научном познании // Философия науки. Новосибирск, 1999. N 1(5) (http://www.philosophy.nsc.ru/journals/philscience/5_99/02_SUROV.htm).
- ⁴³ Eriksson G. Rudbeck... S. 570.
- ⁴⁴ См. например: Rudbeck O. Op. cit. Bd. II. S. 13.
- ⁴⁵ Eriksson G. Rudbeck... S. 498.
- ⁴⁶ Ibid. S. 524–527.